

ЕЛЕНА АНТИПОВА

ПЫЖМА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А72

Дизайн обложки
Виктории Лебедевой

Антипова Е.

А72 Пыжма : роман / Елена Антипова. — М. : Издательство АЗБУКА. — 256 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-33049-8

Русская хтонь — что это такое и существует ли она на самом деле? Этими вопросами задается каждый, кто читает «Пыжму». Это тревожный психологический роман о молодом мужчине, потерявшемся в своих мечтах и идеалах, о почти заброшенной деревне и ее обитателях, которые смирились со своей судьбой; а еще это гнетущая социальная драма о тайнах, страхе, боли и, конечно же, надежде, которая приведет к исцелению.

Увязший в собственной жизни Фадеев приезжает в вымирающую деревню Поветлужья на похороны дяди. Старый дом, причина давней семейной ссоры, теперь может достаться ему.

Только чем дольше Фадеев остается в этой глуши, тем сильнее хочет сбежать. Но дом не отпускает, не отпускают и местные старожилы.

В болезненном бреду он видит странные сны: сгоревшую беляну, древнего ящера ветлугазавра да мужиков, пьющих горькую и ругающих барина. А еще маму, сестричку Женечку и дядьку-исполина.

Сны, умело маскирующиеся под реальность, которая отрывает пути к бегству.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33049-8

© Антипова Е., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Глава 1

Игоря я боялся всегда. Дядька еще не появился в старой бабушкиной квартире и не приехал в дом на Пыжме, а я уже боялся его. Я и видел-то только фото, где он, новобранец, в свежем армейском комплекте сидит между своей матерью и моим отцом. Фотографии нецветные, но я знал, что волосы Игоря белые, белее самых светлых волос. И брови у него белые, и ресницы тоже, а глаза у него прозрачные, чуть голубые, но в них я старался не смотреть, даже на этих снимках. Часть наших семейных фото были оформлены в бархатные паспарту и рамки, украшенные блестящей под лаком соломенной аппликацией. Это было красиво, и я не сразу поверил, что эту кропотливую работу проделал Игорь.

В детстве я слышал от взрослых, что Игорь сидит в тюрьме. Тогда я не знал, за что он отбывал срок. Много позже пьяный отец рассказал. Впервые Игорь попался на том, что вынес из квартиры собутыльницы старый телевизор с перегоревшим кинескопом. Хотел продать и купить еще

водки. Во второй раз, уже после моего рождения, его взяли за китайские шторы, которые он стащил в очередном притоне. Откуда они там только взялись? Я, признаться, был немного разочарован масштабами преступлений Игоря, но бояться его так и не перестал.

Мне было девять, когда он вышел. Бабушка с дядькой давно осели в Поветлужье, ближе к Бакам¹, дальше от Воскресенского. Доили и чесали коз, сбивали масло, пекли хлеб. Я бывал у них летом. В пустеющей год от года деревне я тосковал. Бабушка суетилась, варила зеленые щи, ставила промеж грядок раскладушку для моего дневного сна, дарила раскраски и карандаши. Дед Никита — бабушкин брат — отдал мне свою коробку для червей с дырками по крышке, зеленую. Я был рад, напихал в нее кузнечиков, а назавтра мы ходили на Большое озеро, и я простыл, три дня возился под ватным одеялом. Вспомнил о коробке только день на седьмой, открыл и сморщился от жуткого смрада и стыда. Долго мыл с хозяйственным мылом, капал «Тройной», все равно пахло. Забросил коробку с глаз долой в бурьян, чтобы забыть.

Но это было еще до Игоря, году в девяносто седьмом. Тогда в доме — бабушка говорила: «в избе» — трое нас было людей и один пес Полкан. И на дворе три козы, не считая козла. Другой

---

¹ Красные Баки — поселок городского типа, административный центр Краснобаковского муниципального района Нижегородской области.

скотины бабушка — крошечная женщина, которую к восьми годам я почти перерос, — не держала. Дед Никита был ростом еще ниже нее и речь имел неразборчивую, что обрекло его на холостяцкую жизнь. Его я тоже боялся, оттого что не мог понять, что он мне говорил. Он бормотал что-то, кажется, важное, заглядывал в глаза, а я переспрашивал по несколько раз, но все равно не понимал и чувствовал себя неловко. И еще хуже делалось мне, когда Никита, не сердитый, а расстроенный и смущенный, отворачивался и косолапо брел к бабушке, передать свое послание через нее. Эти маленькие люди, кажется, любили меня. А я их?

В душном городском лете, слыша от матери вопрос, не хочу ли в Пыжму, я зажмуривался, ощущал острый запах мертвых кузнечиков, крапивы, калины и козьего пота. Хотелось мотать головой, просить остаться, не ехать во что бы то ни стало. Но дома был отец, его бутылки, материны соленые огурцы и просоленные платочки. Я кивал, я уезжал и тосковал потом на изъеденной осами завалинке.

Когда я увидел Игоря в первый раз, была осень. Мне уже двенадцать или тринадцать, я подрост. Подрост и мой страх. Сначала мы ехали в электричке с отцом. Он спал, отвалившись на реечную спинку, я смотрел в окно, ковырял лак на скамье, следил, не появятся ли контролеры. Отец велел его разбудить, как только они войдут в вагон. Я так и сделал, и мы подхватили брезентовый рюкзак и пакеты, вылетели в тамбур, а из

тамбура — в гробовое, лязгающее щелью пространство между вагонами. Я уже делал это, но каждый раз словно стена поднималась передо мной, когда нужно было пронести ногу над пустотой. Казалось, эта узкая щель сейчас ухватит меня за лодыжку, зажует и проглотит — туда, вниз, на мелькающие шпалы. Отец толкнул меня под лопатки, я треснулся плечом о двери соседнего вагона, а потом мы неслись дальше, дальше, пока не получалось, что вот она, наша станция, и можно, наконец, сойти.

Двери электрички открылись в поле. Я, может, путаю, но, кажется, не было там никакой платформы, и отцу пришлось прыгать первым, чтобы потом ловить шершавыми ладонями меня, уже большого, но нескладного подростка. Игорь нас встречал, пришел вдоль рельсов. Он был огромен. Там, где мы с отцом делали два, а то и три шага, ему доставало одного. И в самом деле, он оказался бел волосами, и оттого эта белизна выделялась особенно, что лицо его уже успело закоптиться на небогатом ветлужском солнце. Игорь хотел обратиться ко мне, но не умел. Тогда он попробовал заговорить с отцом — прерывисто, заикаясь на каждом первом слого каждого первого слова. Выжимая речь, он, как голубь, двигал шеей вперед-назад, но захлебывался и начинал заново. А я начинал бояться его еще больше.

Вечером отец с Игорем пили водку. Я прятался от них на дворе, разглядывая сквозь щели между досок мокрые козьи носы, и пораньше лег спать рядом с бабушкой. А следующим утром Игорь

пошел с нами в лес, и я боялся оставаться с ним наедине на пустой поляне или видеть его спину в пихтовой чаще. Он шествовал, раздвигая ветки возле лица, на перинном мху от его сапог оставались огромные, заполненные водой следы-озера. Я не думал, как прежде всегда бывало, о диких зверях, о встречах недобрых людей, не боялся вопросов отца невольно об учебе и о «невестах». Я весь был — струна — перед Игорем, сводным братом его.

Моя фамилия — Фадеев, но это не фамилия моего отца. Я выбрал ее в двадцать лет, когда менял паспорт. Это фамилия моей учительницы, привившей мне любовь к чтению. Нет, она не знает об этой моей дерзости. Узнала бы — удивилась. Фамилия моего отца — Тарасов, но это не фамилия его отца, моего родного деда. Тарасовым был бабушкин первый муж, отец Игоря. Бабушка решила записать второго сына, зачатого от почившего в бозе любовника, под фамилией своего первенца-пятилетки: чтобы потом в школе вопросов не было.

В школе их и не было, но у моего отца со временем появились. Тогда Игорь ему популярно объяснил, что пропащий отцовский батя — алкаш и вырожденец, а звать его Ивашка по фамилии Иванов. С этим знанием дорос мой отец до зрелых лет, и, только когда стрельнуло ему узнать о пропащем папаше побольше, открылось, что фамилию «Иванов» Ивашке дали в детдоме, где он обретался среди прочих сирот войны. А как звали его отца и деда, история не сберегла.

Куча фамилий у меня, и ни одной собственной.

А вот дядька Игорь был Тарасов без гвоздей. И отец его был Тарасов, но где он пропадал после рождения сына, знала только бабушка. Знала, но не рассказывала, а потом ее уже и спрашивать перестали. А когда она умерла, не осталось на свете больше ни одной человеческой души, кто мог бы рассказать мне о моих предках. Дед Никита отправился на тот свет следом за бабушкой. Оба они к земле близко сидели, скоро в нее и ушли. Остался от них дом и крохотная квартир-ка на окраине, из-за которой и случилось то, отчего я стал еще больше бояться Игоря.

Отец мой к тому году изрядно оброс долгами и склонил сводного брата к отказу от наследства в свою пользу: «Ты все равно пропьешь, или прибьют тебя». Пообещал раз в месяц приезжать с продуктами и порцией денег, вырученных с продажи квартирки. Первые полгода честно держался, приезжал, а потом одним днем спустил все на однорукого. Затаился, ждал, что не сегодня, так завтра приедет Игорь в город за своим наследством. Но тот все не ехал, полгода-год, отец развелся с матерью, расслабился, набрал новых долгов и свалил на Уренгой. Сказал, что на заработки, вышло — насовсем. А я остался с матерью бояться, что вот сейчас он, белобровая громадина, поднимется к нам по подъездной лестнице, перемахивая через три ступеньки. Особенно страшно было по лету, когда рано светает и до самого утра громяхают на улице бутылки и голоса.

Но потом я женился на Ольге, скоро развелся, съехал в дешевый съемный угол пополам со студентом-юристом. Игорь все не приходил, и неясно было, есть ли он где-нибудь вообще. Но страх мой и теперь со мной. Даже после того, как мне позвонили.

Глава 2

Мне позвонили утром в субботу. Октябрь, и вчера еще деревья стояли желтые, а наутро листья сдуло на дорожки, смело метлами, вывезло за город сгорать в коммунальных кострах. Я поднял трубку, хотя обычно не отвечаю на звонки с незнакомых номеров, но тут ответил. Настороженно, стараясь не говорить «да», спросил: «Кто?» Участковый. Он назвал имя, сначала свое, но я не разобрал. Потом имя и фамилию моего отца, и я растерялся. Забыл, что симка моя еще двадцать лет назад была оформлена на отцовский паспорт. Кроме этого, нас с ним теперь мало что связывало. Я скомканно пробовал объясниться, но полицейский прервал меня, назвал имя Игоря, сообщил о его смерти, выразил соболезнования, попросил по возможности связаться с отцом.

Дохлый номер. Я трезвонил отцу первые три года. Сначала он отвечал голосом, позже — текстом, потом и текст оскудел. Я знал, что он женился на ком-то из вахтовичек, и, кажется, у меня появилась сестра, я видел фото. А потом отец стал выходить на связь только и только сам. Говорил,

что на буровой нет сигнала, а домой заезжает раз в три месяца. Я не знал, где находится его дом относительно буровой, на которой он трудился. Скорее всего, он окажется там не раньше, чем через три-четыре недели. Об этом я и сказал участковому.

Никто не просил меня приезжать. Я представлял, что будет дальше. Соседи, если кто-то еще и живет в деревне, придут в дом, растащат, что осталось полезного. Возьмут и мою коробку с запахом мертвых кузнечиков. Вынесут ведра, тряпки, табуреты, может, и что-то ценное найдут. Игоря, привычного к казенщине, похоронят за государственный счет. И все. Дом, кривой еще в годы моего детства, осиротеет, лишитсянутренностей, останется выморочным, и дальше, как под горочку, понесет его тление к земле.

Жаль было дом. Мы с сестрой Женечкой росли в общажной комнатенке. Ни своего стола, ни отдельной кровати. Санузел на четыре комнаты, одна из которых пустовала под ключом. Соседи — инженер-корабельщик с женой и семья шумного Пашки-афганца — головная боль остального населения общаги. Совершенно обычная жизнь половины, если не большей части страны в начале девяностых. Не принято было жаловаться, да я и не понимал, отчего мне так тесно. Казалось, что я просто расту, и не только комната, весь мир уменьшается и начинает давить на большие пальцы обеих ног. Но уйти мне было некуда.

В воскресенье мать включала нам с Женечкой черно-белый телек с воткнутой в спину вилкой

заместо антенны. Были «Утренняя звезда» и мультики, а потом с общей кухни, где даже ночью в розетке ворчала радиоточка, прилетало блюдо блинов или кастрюля каши. Мы ели, оставляли на полированном столе жирные отпечатки пальцев, звенели в граненых борских стаканах чайными ложками, а потом, после расспросов об уроках и домашнем задании, сбегали во двор до обеда.

Женечка не любила говорить, она любила плести косы. Себе, маме, одноклассникам, коври с оленями, платку с бахромой, соседкам по бесчисленным палатам, больничным капельницам. Она плела бы косы кукле Люсе, но Люся не отличалась длиной волос. Мать с отцом подолгу кричали. О том, что нужна реабилитация, а на нее нужны деньги, потому что бесплатно хоть и положено, но не добиться, да и денег теперь достать негде, а продукция стекольного завода, который выдавал отцу зарплату натурой, не годилась для расчета с физио-, гипно-, иппо- и психотерапевтами. Я садился рядом с сестрой и закрывал ей ушки ладонями.

Летом Женечка срывала травинки, разделяла натрое стебель одуванчика, сдирала кожу с ивово-й лозы и плела косы. Зимой она тосковала, и я на перекладине для выбивания ковров навязал для нее прядей из капроновых ниток. Отец мастерил из таких сети для зыбки звонкой на ощупь иглой. Женечка берегла капроновые косы, и все во дворе относились к ним почтительно. Уже не было на свете сестры, а никто так и не срезал нитки, ставшие паклей от влаги ветра. Я тоскую по

ней. И от этой тоски больше, чем от тесноты или пьяных Пашкиных дебошей, я съехал, едва мне стукнуло восемнадцать.

Я кочевал со съемной на съемную, с комнат на квартиры, с квартир на квартиры. У меня были ванна на кухне, кухня на балконе, холодильник под потолком, клопы, тараканы, вороны на чердаке. В Ольгиной однушке, уже после женитьбы, я отвоевал себе рабочее место на подоконнике в спальне и очень ему радовался. Оставалась за мной и доля в приватизированной комнате, где жила теперь мать со старой кошкой. Но дома у меня никогда не было.

В студенчестве это казалось свободой. Можно поехать куда хочешь, хоть в Антарктиду. Ничто не держит, не требует ухода, починки, присутствия при проверке счетчиков, проверке вентиляции, замене труб. Не нужно бояться, что жилище сгорит или разрушится. На одной из квартир соседи сверху проливали меня раз пять. Я звонил хозяину и забывал об этом до следующего потопа. И да, идея частной собственности — буржуазный пережиток. Так отвечал отец каждый раз, когда мать пилила его на тему «улучшения жилищных условий». Я кивал этой мысли и убегал в школу или во двор.

Но с каждым годом все чаще я вижу один и тот же настырный сон. Заброшенный дом, не похожий ни на один и похожий на все разом. Вижу в нем большой беспорядок и себя среди этого бардака. Я пытаюсь справиться с беспорядком, мою, мету, прибираюсь, чиню то, что сломано. Раз

от раза обстановка чище, все больше радости по утрам после пробуждения, будто и правда там, во снах, я занят важным и полезным делом.

И вот теперь дом, настоящий, реальный дом, лишился последнего хозяина. Он исторг из себя бремя, вложил его в гроб, и теперь уже земля будет носить его в своем чреве. Дом пуст. Формально он, конечно, остается за моим отцом, но он не вернется, я знаю, или вернется не раньше, чем дом сам уйдет в землю. Дом свободен, и я свободен. От Ольги и уже почти неделю как — от работы. Да, остался фриланс, но он потому так и называется, что свободу дает несравнимо большую, чем наем.

Любопытства ради я посмотрел расписание электричек на Пыжму.

Когда знаешь час, к которому требуется успеть, собираться как будто легче. В рюкзак закинул термос с кофе, яблоко и зачем-то остатки хлеба. Подумал и достал из заглазника наличку: пусть. Паспорт в нагрудный карман. Что еще? Рюкзак стоял на табурете, а я обзирал кухню с высоты своего роста. Хлебнул остывшего чая, выбрал резиновые сапоги, застегнулся до подбородка, пожалел, что больше не курю.

На вокзале было сыро и сутолока, в электричке — тепло и куча свободных мест на синих сиденьях. От тех старых скамеек, что наполняли поезд в моем детстве, им перешла только твердость. Я согрел нос и руки, уложил рюкзак на колени, голову на рюкзак. Спал и во сне видел Ольгу. У Ольги было три попугайчика.

Глава 3

У Ольги было три попугайчика. Безымянные волнистики разных цветов, такие шумные, что от них у меня лопалась голова. Против известного факта, что живущие в коллективе соплеменников птички не говорят, эти щебетали без умолку. Лексикон их был скуден. «Дай! Дай!» «Красавица! Я красавица?» «Отстань!» Вот и все разговоры. Как так вышло, что я взял ее с этим птичьим приданым? Нам было по двадцать, после экзаменов мы сидели в пивной среди таких же влюбленных, пьяных студентов. Я не хотел идти домой, она не хотела идти домой одна. В тот же вечер я познакомился с попугайчиками и подпал под влияние их незатейливых просьб.

Я был уверен, что так положено, и старался только не быть похожим на своего отца. Ольга же, не зная моей матери, как будто из всех сил подражала ей. Особенно велико было сходство этих двух женщин в попытках сделать меня счастливым вопреки всему, в том числе и моей воле. Это сходство нравилось, удивляло, раздражало, выводило из себя, и я не справился. Как только ее дом стал моим домом, я перестал хотеть возвращаться туда. Хотя долго еще притворялся, что хочу, что все наладится, но только чаще пил, курил по две пачки, брал свехурочные. Но попугайчики настигали меня и в редакции, и в канцелярии суда, где я страдал секретарем почти два года, а потом и в информационном агентстве, откуда я не так давно уволился.

Еще Ольга хотела детей. Я брал ее за плечи, подводил к окну, говорил: «Смотри». Она недолго смотрела, потом отворачивалась, прижималась грудью к моему животу. Попугайчики были тут же. Я говорил, что не справлюсь. Она возражала, что я должен справиться. Я отвечал, что не должен. И все было бы просто, если бы я сам не хотел того же, чего хотела Ольга. А я хотел, просто знал, что не смогу, а она не знала.

В первый год нашей с ней жизни, еще безоблачной, она отвадила всех моих друзей. С кем-то поссорила, кого-то попросту заставила забыть. Я спохватился поздно, когда отпустила любовная агония. Я набирал номера, мне отвечали гудки или голоса, находящиеся теперь слишком далеко. Я сидел на краю кровати, чесал большим пальцем ноги плоскую спину ковра и не понимал, как оказался в таком жалком положении.

Ольга носила колготки. Сначала тонкие, как паутина, прозрачные, потом черные, тоже прозрачные, а позже — все чаще и чаще бежевые, мутные, как катаракта. Она нагибалась над столом, и я видел, что от трения капрон на ее бедрах сбился катышками. Я отворачивался, есть не хотелось, я вставал, чмокал дежурно ее отросшие корни, поправлял стальную миску с водой для ее птичек, уходил к своему подоконнику.

Ольга говорила, что я не умею говорить. Тогда я возмущался, теперь мне кажется, она права. Но будто она сама умеет? Она работала в библиотеке и, может быть, оттого умела говорить только шепотом. Все важное, нежное, теплое говорила она

не в половину, а в четверть своего голоса. Когда она пыталась прибавлять громкость, выходили все больше звуки, а не слова, или слова дрянные. Приходилось ее целовать, поднимать на руки, нести до постели. С каждым годом Ольга становилась все тяжелее. Тем более это странно, что фигура ее истончалась и суживалась. Попугайчики же набирали сало.

Так и вышло в итоге, что вот нам по тридцать, мы уже сходили в ЗАГС за разводом и сидим одни в обед в той же пивной, что и в самый наш первый раз, и очень-очень хотим домой. Каждый к себе.

Электричку тряхнуло. Я понял, но не сразу, что я в электричке и ее тряхнуло. А кто — я? Дмитрий Фадеев, журналист, редактор, неудавшийся поэт и отец, безуспешный муж, успешный бездомный. Не атеист, скорее агностик. Не либерал, скорее гуманист. Не приверженец традиции, скорее... Скорее бы уже Пыжма. Хочется в туалет и кипятку. Вспомнил про термос, открыл ему голову, хлебнул и еще сильнее захотел в туалет. За окном пролетел полустанок — безымянный какой-то там километр. Чуть больше чем полпути.

Из соседнего вагона ввалился бородач с газетами и китайскими чудесами. Глубинный мужик. Его мыльные пузыри не лопаются, его мохнатый червяк с приклеенными глазами сам вылезает из кармана и пляшет на коробке эротических игральных карт. У него пиво холодное, мороженое «Фабрика грез» и сканворд-гигант. Пассажир напротив захотел пломбир. Бородач нагнулся

к своему ларю, уперся ягодичей в мое колено. Неприятно, штаны торгаша перемазаны, хоть бы земель. Есть ли у меня настолько безобразные штаны? Не штаны даже, портки. Как будто теперь уже нет, но вроде были когда-то. Мужик выпрямился и дальше загудел: «Свежие газеты! Холодное пиво!» Я потер ладонью колено: пахнет псиной, подъездами и темными углами на верандах детских садов. Стало грустно и жаль.

Нет такой станции — Пыжма. По крайней мере, на этой ветке железной дороги. Деревня от рельсов в полукилометре, даже запах креозота слышится, но стоит она ровно между двух станций. Сам выбирай, как пойдешь: навстречу поездам или спиной. Бабушка всегда сходила заранее: «Чтобы не вертаться». Отец проезжал до следующей станции: «Там магазин, в магазине пиво». Я решил не вертаться.

Вышел в тамбур, соскочить сразу, как остановится поезд. Стоял, по-бунтарски прислонившись к двери, смотрел на мелькавший лес, зеленый одним цветом. Тамбурная дверь хлопнула. Женщина с тележкой. Как-то не шел этот аксессуар к ее спортивной куртке и кроссовкам. Шапка с помпоном. «На Сияние? — спрашивает, а я моргаю, как идиот. — Или вы с лесопилки?» Я вспомнил. Сияние — деревня в одну улицу по ту сторону от железки. Замотал головой, назвал Пыжму. Она вздохнула: «А я на Сияние». Странно это: нестарая баба, крепкая, лет сорок пять от силы. Чего ей в Сиянии этом? Хотел спросить и решился уже, но двери открылись, я помог выйти, стащить

тележку, тяжелее ее самой. А потом смотрел, как уходит поезд, как подтягиваются вслед за кроссовками, перепрыгивают рельсы резиновые колесики. После Ольги у меня никого не было. Ни в каком виде. Не считая кассирши в «Магните», пугающе улыбчивой со мной и привычно грубой с другими. Уже год и два, нет, три месяца — никого. До этого дня я и не думал, как это, наверное, много.

В детстве я проделывал часть пути до Пыжмы, перескакивая со шпалы на шпалу. Так было нескучно. Вроде прыгаешь каждый раз на середину, стараешься не дальше и не ближе. А все равно в какой-то момент оказываешься на самом краю. И не хватает шага, или, наоборот, слишком много его. Приходится заново, пока не надоест это «заново». А как надоест, плетешься до самого конца, без веселья, по-взрослому.

Тропу вдоль рельсов я помнил широкой и незарастающей. Теперь я едва ее чувствовал. Осень, а все равно торчит осока, тысячелистник, пониже — тоскливый лопух. Шиповник, необобранный, подступил почти к самой насыпи. Я вернулся на пути, попробовал идти по шпалам. Как ни старался, одного шага много для двух и мало для трех. Пахло хвойной стружкой. Попутчица спрашивала о лесопилке, а я и забыл, что она тут есть. Игорь даже пробовал там работать. Попробовал, а потом что-то сломал или вынес. Не стали заявлять, просто уволили «по-человечески», а он две недели копил козий горох в тачке, привез им и поверх свежего опиала вывалил.

Путь оказался непривычно коротким, справа появилась еще менее ясная тропа. Я помнил, что идет она вдоль пожарных прудов, мимо бань до заднего забора нужного мне дома. И все здесь осталось точно так, как я помнил.

Глава 4

Точно так, как я помнил. Только пожарные пруды заросли по краям рогозом, покрылись в середине ряской. Только усады, что были еще в мой последний приезд засеяны картошкой, стояли теперь под кустиками табака. Только в заборе из рабицы прибавилось дыр. А из трех бань по-черному — нашей и двух соседских — уцелела только наша, то есть бабушкина. На ее двери с высоким порогом висел амбарный замок, основательный, но на слабых петлях, привинченных кривыми саморезами.

«Банник-батюшка! Пусти нас помыться! — И уже мне: — Ну, повторяй!» И я повторял, крестился, стягивал с шеи гайтан, забегал в черный предбанник, а оттуда дальше, в низкое, непроглядное банное чрево. «Не замажься!» Знал, что не дотягиваюсь еще до потолка ростом, но пригибался, шарахался от стен, как от печных углей. Все равно дома под полотенцем то на шее сажа, то на лажках. Жирная, без мыла не стереть.

Давно, видимо, не косили траву. Скотина была — дрались за каждый лужок. Справа от усада много «собачек». Желтый цветок. Срываешь,

Литературно-художественное издание
Эфеби-көркем басылым

Антипова Елена

ПЫЖМА

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Т. Агеева*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *М. Топеха, П. Шевнина*
Компьютерная верстка *Л. Харченко*

В оформлении обложки использованы фотографии:

@kamitana/ shutterstock.com

@Marek Tr/ shutterstock.com

@Tishchenko Dmitrii/ shutterstock.com

Подписано в печать / Басаға қол қойылды 08.06.2026.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 3000 экз. Т-РР1-42395-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

